

— Божественная книга Лохэ, — негромко произнес Сюань Цзи. — Срок аренды номера, оплаченного вами, истек, а у меня нет здешней валюты. Пришлось следовать за аурой ножен Меча Угуй, что всегда при мне. Надеюсь, в скором времени найти хоть какие-то зацепки.

Хуа Мянй повысила голос:

— Всегда при тебе?!

Сюань Цзи поспешил добавить:

— Когда вы посещаете уборную, принимаете ванну или переодеваетесь, я, разумеется, отхожу в сторону.

Хуа Мянй промолчала.

В этот момент Сюань Цзи вспомнил их недавний уговор больше никогда не видеться. Он почувствовал укол раскаяния — зачем он вообще завел этот разговор? Он уже собрался объяснить и принести искренние извинения, как вдруг почувствовал, что его за рукав кто-то потянул. Озадаченный, он опустил взгляд и увидел маленькую, нежную ладошку, вцепившуюся в его темный рукав.

— То, что я сказала в тот день... забудь, — Хуа Мянй опустила голову, пряча глаза, и пробормотала почти неразличимо: — Теперь ты мой спаситель, я перед тобой в долгу.

Она отпустила его рукав.

— Ты так долго находишься в этом мире и живешь как в тумане. Если так пойдет и дальше, то о поисках ножен можно забыть — вопрос в том, удастся ли тебе вообще выжить, — медленно произнесла Хуа Мянй. — С ножнами я помочь не могу, но могу научить тебя, как здесь устроиться.

Сюань Цзи молчал. Ему показалось, что он понял ее слова превратно.

— Вы хотите сказать, что мне больше не нужно избегать встреч с вами? — переспросил он.

Стоявшая перед ним девушка почти прижала подбородок к груди. Она быстро-быстро закивала, вся покраснев.

Сюань Цзи с облегчением выдохнул и с самым серьезным видом произнес:

— Что ж, это весьма разумно.

Неизвестно почему, но после этих слов он заметил, что лицо девушки стало еще краснее. Она

походила на вареную креветку. Подняв голову, она растерянно посмотрела на него:

— Ты не злишься, что я тебя тогда прогнала?

— Нет, не злюсь.

Хуа Мянью улыбнулась. Глядя на это внезапно расцветшее лицо, Сюань Цзи замер: кончик ее носа слегка покраснел от холода, уголки губ приподнялись в робкой, но счастливой улыбке, а в глазах отражался снег, словно в них светился свет. Похоже, он не ошибся: когда она улыбается, она невероятно красива. В Храме Улян за такую девушку все юнцы перегрызли бы друг другу глотки, лишь бы спрятать ее дома от чужих глаз.

— На что смотришь? — спросила Хуа Мянью. — У меня что-то на лице?

— Нет.

Они проигнорировали лежащего в снегу Ван-гэ — скоро придут люди из костюмерной за доспехами и найдут его. Хуа Мянью даже не взглянула в его сторону, лишь дернула Сюань Цзи за рукав, прошептала Идем и зашагала рядом с ним.

Из лестничного пролета доносился их приглушенный разговор:

— Куда мы?

— Сейчас отведу тебя в ломбард. Ой, апчхи! Ладно, погода слишком холодная, сначала пойдем позавтракаем. Я знаю, в каком ресторане отеля подают отличные завтраки. Знаешь, такие штуки из тонкого теста с начинкой из мяса или сладкой бобовой пасты...

— С чего вы взяли, что на Континенте Чжуся не знают, что такое баоцзы?

— ...

— Почему вы снова молчите, госпожа Хуа Мянью?

— Мне неловко.

— ...

Порыв ветра с силой захлопнул дверь на крышу, издав резкий скрип. Дверь закрылась, отрезав звуки их голосов.

\*\*\*

Хуа Мянью была неразговорчива, а Сюань Цзи не любил пустых слов. После того короткого разговора на крыше они погрузились в молчание, но, как ни странно, к этому все будто бы привыкли. Никто не пытался навязать беседу, и атмосфера была удивительно легкой.

Когда они вошли в ресторан, Хуа Мян, листая меню, спросила, чего бы он хотел. Мужчина бросил на нее взгляд и невозмутимо ответил:

— Баоцзы.

Хуа Мян замерла. Ее пальцы так сильно сжали меню, что оно жалобно хрустнуло. Сюань Цзи, заметив ее каменное лицо, с недоумением спросил:

— Откуда такая реакция?

— Почему ты смотришь на меня и говоришь про баоцзы?! Ты надо мной издеваешься?

Сюань Цзи тем же спокойным голосом ответил:

— Я просто хочу есть. Ты слишком чувствительна.

— Откуда мне было знать, что на Континенте Чжуся есть баоцзы и что их там называют именно так! Ты знаешь, что иероглиф хуэй можно написать семью способами? Семью!

Не дожидаясь его ответа, она почувствовала, как самообладание окончательно ее покидает. Она всплеснула руками, закрыла лицо и, развернувшись, вихрем помчалась к официанту, заказав две порции мясных баоцзы и одну с бобовой пастой — все с собой.

Вернувшись к Сюань Цзи с тремя пакетами, она достала один мясной и один сладкий баоцзы, а остальное отдала ему:

— Ешь. Целую неделю... раз у тебя нет денег, ты что, все это время голодал?

— Когда я пришел, у меня в нефритовом кольце души было немного провизии, — небрежно ответил он. — Если экономить, то вполне хватает.

— Нефритовое кольцо души? — Хуа Мян невольно взглянула на его руку. На пальце действительно красовалось кольцо из изумрудно-зеленого камня, обвитое тончайшими серебряными нитями, словно лозой. Если это настоящий жадеит, то он стоит целое состояние. Этого хватило бы не то что на еду, а на покупку виллы в центре города, где можно было бы каждый день есть свежую треску, доставляемую самолетом прямо из Антарктики.

Когда она увидела, как пакеты с баоцзы исчезли в кольце, словно по волшебству, она поняла, что сильно недооценила украшение. Это было пространство, о котором пишут в романах о совершенствовании. Топовый инвентарь из онлайн-игр. Искусная и практичная безделушка. Она была слишком поверхностна. Наверное, этого хватило бы на две виллы. И на десерт из меда и медвежьей лапы.

Видимо, взгляд Хуа Мян был слишком горячим, потому что Сюань Цзи замер и помахал рукой перед ее лицом:

— Хочешь?

Хуа Мянью затрясла головой, как неваляшка. Если кто-то на улице предложит тебе бесплатно забрать Ламборгини, ты тоже невольно испугаешься и откажешься. Да и разве можно дарить такие вещи просто так?

— В Храме Улян их много, — бесстрастно сказал Сюань Цзи. — Если хочешь, можешь сказать. В конце концов, наша встреча — это судьба. Когда я верну ножны на Континент Чжуся, все это может остаться тебе.

Хуа Мянью на мгновение потеряла дар речи:

— Все мне?

Она посмотрела на огромный меч за его спиной. Сюань Цзи на секунду замешкался, словно инстинктивно защищая оружие, слегка развернулся и, не меняя ледяного выражения лица, добавил:

— Кроме этого.

— Я просто подумала, что с ним очень безопасно.

— Меч Угуй выкован из озерного черного железа, он весит сто цзиней. Тебе его не поднять.

— ...Можно попробовать?

— Нет.

\*\*\*

Пока Хуа Мянью, дуя на горячие баоцзы, торопливо их ела, стоящий рядом мужчина ел молча и быстро. Вероятно, из-за благородного происхождения, даже при такой скорости он сохранял элегантность.

Когда они вышли из отеля, Сюань Цзи достал из кольца баоцзы, понюхал их и протянул один Хуа Мянью:

— Будешь?

Девушка, едва доходившая ему до плеча, обернулась:

— Я наелась.

Сюань Цзи убрал руку:

— Сладкая бобовая начинка — это вкус для маленьких девочек.

Хуа Мянью промолчала. Привередливый какой.

Они дошли до торговой улицы у киностудии. Утро было в самом разгаре, лавки с завтраками были забиты офисными работниками и актерами после ночных съемок, которые с усталым видом ели доуху. Хуа Мянью привела его в старинный ломбард в конце улицы. Хозяин, только открывший лавку, зевал во весь рот. Хуа Мянью заглянула внутрь:

— Простите... золотые слитки принимаете?

— Принимаем, — вяло отозвался хозяин из-за деревянного прилавка. — Со съемочной площадки? Даже не думайте дурить меня реквизитом. В этом месяце уже трижды приходили такие умники. Неужели вы думаете, что я, Ван Бансянь, всю жизнь работающий с золотом и серебром, куплюсь на ваши поделки?

Он был явно не в духе. Хуа Мянью, даже зная, что золото настоящее, занервничала. Она жестом велела Сюань Цзи выложить все слитки и серебро. Когда золото с глухим стуком упало на прилавок, хозяин наострил уши, поднял голову и внимательно осмотрел посетителей: молодого человека в костюме с холодным взглядом и девушку в пальто и шарфе, которая из-за своего роста едва выглядывала из-за стойки.

— Какого периода слитки?

Хуа Мянью дернула Сюань Цзи за рукав, призывая молчать. Но мужчина все понял с точностью до наоборот:

— Эпоха Континента Чжуся, годы правления Хуо Ху.

Хуа Мянью прикрыла глаза. Хозяин взвесил слитки в руке. Если бы не их подлинность, он бы уже выставил их за дверь. Под пристальным взглядом Хуа Мянью он потер золото пальцами, привыкшими к антиквариату, и перевернул слиток, чтобы рассмотреть дно. Там было выгравировано: Храм Улян.

— Это не антиквариат, — констатировал хозяин.

— Да, — поспешила подтвердить Хуа Мянью. — Я художник-декоратор, делала для съемок.

Она даже показала пропуск — лишь бы он не вызвал полицию.

Хозяин отложил золото:

— Приму по цене лома, двести семьдесят за грамм. Итого...

Сюань Цзи добавил:

— Три лян золота и немного серебра.

Хозяин бросил слитки на весы, прищурился, подсчитывая цифры, и взглянул на Сюань Цзи:

— Ого, еще и единицы измерения времен Западной Хань? Парень, в каком фильме снимаешься? Изучил вопрос досконально, не то что нынешние звезды-однодневки, у которых на все случаи жизни одно выражение лица. Один лян — это примерно 16,15 грамма. Считаем по 16,1. Получается 4347 за слиток. Меняем?

Хуа Мян посмотрела на Сюань Цзи. Тот на секунду задумался, решив, что раз валюта местная, то можно соглашаться, и кивнул:

— Разумеется.

Хозяин, довольный сделкой, прикинул общую сумму — вышло почти четырнадцать тысяч. Не так уж много, но достаточно, чтобы Сюань Цзи мог снять жилье и питаться, не таскаясь за Хуа Мян, как привидение.

Хуа Мян вздохнула с облегчением, но тут хозяин спросил:

— На Алипей, наличными или переводом в Вичат?

Хуа Мян: «...»

Да вы издеваетесь, он же человек из древности!

Пока Сюань Цзи вопросительно приподнимал бровь, Хуа Мян протиснулась между ним и стойкой, изо всех сил вытянулась и пропищала:

— Наличными, пожалуйста.

Хозяин достал пачку денег. Хуа Мян начала их считать, и вдруг заметила, что, несмотря на долгое стояние на цыпочках, ноги совсем не устали. Неужели она выросла? Опустив голову, она поняла: это мужчина, стоявший позади, подставил свои ступни под ее ноги. Она стояла на его ботинках.

— На цыпочках... не устала? — низкий бархатный голос раздался прямо над ее головой.

Хуа Мян застыла. Слова благодарности застряли в горле — сказать их казалось странным, а промолчать — еще страннее. Какая же мука.

\*\*\*

Выходя из ломбарда с деньгами, Хуа Мянью чувствовала себя так, словно совершила кражу. Пройдя метров триста, она вспомнила, что деньги-то не ее, и обернулась:

— Тебе деньги у себя оставить?

Сюань Цзи едва заметно повел плечом:

— Если хочешь — оставь себе.

Так он говорил о деньгах, словно обсуждал леденец. Хуа Мянью, вдохновленная его невозмутимостью, набралась смелости и решила пошутить:

— А если я сбегу с деньгами?

Сюань Цзи посмотрел на нее так, словно она сошла с ума. Вспомнив, как он легко, словно пушинку, поднял стокилограммового Ван-гэ и прыгнул с двадцать восьмого этажа, она поняла, что шутка была глупой.

— Я... я пошутила.

— Ничего страшного.

Ее уши снова вспыхнули. Она поражалась своей способности превращать любую ситуацию в неловкую. Но раз уж она не умела исправлять положение, она решила оставить все как есть. За двадцать лет жизни она научилась справляться с неловкостью. Она крепко прижала пакет с деньгами и по пути в отель составила план для своего спасителя.

Жизнь человека строится на трех вещах: еде, одежде и сне.

Сон: четырнадцать тысяч хватит на долгую аренду в отеле, восемь тысяч в месяц — с головой. Паспорта нет — оформим по пропуску из мастерской.

Одежда: на нем все еще старый костюм, хотя он явно переодевался — в его кольце, видимо, есть место и для вещей. Но в таком виде ходить нельзя, нужно купить зимнюю одежду. Это еще полторы тысячи.

Еда: останется четыре с половиной тысячи. По сто юаней в день — хватит на полтора месяца.

Хуа Мянью прикинула: если за полтора месяца он не найдет ножны, значит, их здесь просто нет, и продолжать поиски бессмысленно.

— Сюань Цзи, этих денег хватит примерно на сорок пять дней, — тихо спросила она. — Успеешь найти ножны?

Сюань Цзи лишь бросил на нее взгляд, не ответив.

Они подошли к отелю, у входа в который стояла машина скорой помощи. Вокруг толпились знакомые лица из съемочной группы Божественной книги Лохэ.

— Что случилось? — Хуа Мянью вытянула шею.

В этот момент в телефоне всплыло уведомление:

«Съемки суперхита Божественная книга Лохэ столкнулись с паранормальным явлением: утром костюмер обнаружил членов группы на крыше в беспамятстве. Подозрение на одержимость!»

Хуа Мянью замерла. Она совсем забыла об этом. Она растерянно посмотрела на Сюань Цзи. Тот, почувствовав ее взгляд, спокойно спросил:

— В этом мире, если человека напугали до безумия, его тоже везут в ямэнь?

— Это не ямэнь, это скорая помощь. И мы везем их в больницу, а не в ямэнь.

— Понятно.

Хуа Мянью, не в силах успокоиться, пробормотала:

— Надеюсь, Ван-гэ не сошел с ума по-настоящему. Ты его там не проткнул своим мечом?

— Меч Угуй не оскверняет себя кровью обычных людей, у которых нет оружия и навыков боевых искусств, — Сюань Цзи нахмурился, глядя на Ван-гэ, которого грузили на носилки.

Ван-гэ, закатывая глаза, бормотал:

— Огромный меч... он прыгнул со мной с двадцать восьмого этажа... он заставил меня прыгнуть...

Хуа Мянью повела Сюань Цзи в отель, оглядываясь на скорую помощь. Вся группа была в панике, режиссер в тапочках что-то громко обсуждал с продюсером, который был в ярости из-за слухов в соцсетях.

Хуа Мянью почувствовала укол совести. Она больше всего на свете ненавидела доставлять людям неудобства. Может, стоит извиниться?

<http://bllate.org/book/21766/2250920>